

— Цзин Юнь, ты где?! — Перед глазами Инь Шанчжи стояла пелена, сердце охватила паника. Он озирался по сторонам, но ничего не видел — лишь густой, бесконечный туман. Его крики эхом отражались в пустоте, оседая в мертвой тишине. Даже слух перестал быть помощником: в ушах стоял лишь монотонный гул.

Что происходит? Он же помнит, что отправился спасать Цзин Юня. Как он оказался в этом проклятом месте?

Он изо всех сил пытался взглянуть в путь впереди, пытался разогнать туман, но всё было тщетно.

— Старший брат! Очнись!

Чей это голос? Неужели Цзин Юнь? Это и правда он... Но где же он? Вокруг ничего, кроме тумана.

— Старший брат...

Зов продолжал доноситься из пустоты, и Шанчжи охватил порыв радости. Если пойти на голос, он наверняка найдет Цзин Юня.

Он двинулся вперед на ощупь. Становилось всё светлее, свет слепил глаза...

— Ух... — Шанчжи недовольно прищурился, не в силах сразу привыкнуть к ярким лучам. Когда зрение немного прояснилось, он осмотрелся и всё вокруг показалось ему до странности чужим.

Он попытался заговорить, но в горле будто закололо иглами. Шанчжи захотел подняться, чтобы найти чаю.

Стоило ему пошевелиться, как острая боль пронзила тело, перехватывая дыхание.

Знакомый силуэт поспешно приблизился, бережно приподнял его и помог устроиться поудобнее.

— Цзин Юнь... — голос прозвучал хрипло, словно у путника, изнывающего от жажды в пустыне.

Цзин Юнь, чье сердце обливалось кровью от жалости, тут же подал ему чашку чая.

Шанчжи принял её и принялся мелкими глотками пить. Когда жажда утихла, он отставил чашку.

— Лучше?

Он слегка кивнул, но движение снова потревожило раны, заставив его судорожно вздохнуть от боли.

Цзин Юнь испытывал одновременно и жалость, и гнев. Такой человек — и доведен до такого состояния из-за него.

— Не двигайся, сиди спокойно, а то швы разойдутся.

Шанчжи промолчал, тихо сидя и закрыв глаза — знак того, что он всё понял. Это было их негласное взаимопонимание.

— Раз знаешь, что сил не хватит, зачем полез на рожон? Я же говорил, что вернусь целым и невредимым. — В словах слышался упрек, но еще больше — невыносимая забота. Шанчжи понимал это, но не мог согласиться. Если Цзин Юнь в опасности, он не мог стоять в стороне. Наверное, он сам того не осознавая, привязался к нему. Но этот увалень вряд ли сейчас способен это понять.

— В твоей голове не хватает извилины, придется мне её достроить. — Голос Шанчжи всё еще был хриплым, но в нем прорезались живые нотки.

Услышав это, Цзин Юнь вспыхнул и легонько ударил Шанчжи по голове.

— Столько дней лежишь с такими ранами, а всё никак не наговоришься! Тебе бы рот зашить! — Этот человек никогда не понимал, что такое беспокойство или опасность, вечно лез туда, где опаснее всего! При мысли об этом Цзин Юнь стиснул зубы.

Несколько лет назад, когда они вместе спустились с горы, Шанчжи обещал учителю защищать его. И что в итоге? Он просто исчез. Когда Цзин Юнь закончил дела, ему пришлось топать в публичный дом, чтобы вытаскивать его оттуда. Одно воспоминание об этом вызывало досаду. Кто еще умудрится так опозориться, чтобы потерять сознание прямо в объятиях куртизанки? Он точно был первым!

Впрочем, лучше не вспоминать, только зря закипать...

— Я и сам не знал, что так выйдет, просто всё само собой сложилось.

Всегда всё знает наперед, когда уже поздно. Философия Шанчжи была проста: где опасность, там и он. словно тыква и её плеть — никогда не разлучаются.

И, вне всяких сомнений, именно ему всегда приходилось разгребать последствия.

— В следующий раз включай голову. Твои навыки боя хуже моих, а ты всё лезешь спасать меня? — Цзин Юнь был в ярости. Если сейчас не объяснить всё как следует, в другой раз этот дурень снова бросится в огонь.

Дела Императорского двора запутаны и темны. Если Шанчжи втянется, это лишь подвергнет его опасности. Он не может позволить близким пострадать снова. Поэтому он должен стать сильнее!

К удивлению Цзин Юня, Шанчжи на этот раз не стал спорить и замолчал.

А ведь верно, он всегда был обузой. И на горе, и после спуска — тем более. Он думал, что с приходом Цзин Юня всё станет проще, что теперь он хотя бы не будет тянуть его на дно. Кто же знал, что за пару лет Цзин Юнь превзойдет его? И он снова оказался лишним грузом. Винить можно было лишь себя — он никогда не старался, поэтому его мастерство застыло на месте. Учитель говорил, что Цзин Юнь слаб здоровьем и ему нельзя перетруждаться, а у него самого просто не было духа соперничества.

На горе они с Цзин Юнем всегда были самыми свободными. Каждый день их видели слоняющимися без дела. Пока остальные старшие братья выполняли задания, они двое проводили время в праздности.

Но сейчас он не смирится. Он не допустит, чтобы Цзин Юнь жил в этом месте, где нет ни просвета, ни покоя, постоянно строя козни. Такой Цзин Юнь — это уже не он. Ему жаль, что тот так устает.

Учитель вечно не обращал внимания на Цзин Юня, но постоянно ругал его за отсутствие прогресса. Раньше это злило, а теперь вызывало лишь горечь, и сдаваться не хотелось. Ну и что, что противник — Император? Он всё равно победит его! Поэтому...

— Эй! — Видя его помрачневшее лицо, Цзин Юнь, решив, что тот съел что-то противное, толкнул его. — Чего молчишь? — И правда, люди так странно устроены: привыкаешь к чьей-то болтовне, а когда человек умолкает, становится пресно, как еда без соли.

Шанчжи долго молчал, а затем неуверенно произнес:

— Цзин Юнь, если однажды я уйду, ты будешь скучать?

— Не шути так. Куда ты денешься? — Цзин Юнь хотел отшутиться, как обычно, но, увидев, что Шанчжи молчит и лишь смотрит на него, понял, что тот говорит серьезно.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ничего. Просто захотелось узнать.

— Не спрашивай ерунды. Если ты уйдешь, я точно не буду скучать. Я вычеркну тебя из памяти навсегда. — Старший брат был для него как семья. Если тот исчезнет, он, пожалуй, потеряет ориентир. После того как Отец-Император ушел, кроме «него», в этом мире у него остался только старший брат. Что до Цзин Яо и прочих титулованных родственников, он даже не смел о них мечтать.

— Ох... — Шанчжи стало немного грустно. Хоть он и знал, что Цзин Юнь шутит, всё равно было неприятно. — Тогда... Цзин Юнь, давай ты не будешь называть меня старшим братом, а? Зови просто Шанчжи.

Этот человек сегодня ведет себя странно.

— Разве называть тебя старшим братом не хорошо?

— Я же зову тебя Цзин Юнь! Должно же быть равноправие. — Ну вот, неужели так трудно сменить обращение, с него же кусок не отвалится.

— Ладно-ладно, Шанчжи. — Тон был такой, будто его принуждают.

Шанчжи впервые услышал свое имя из уст Цзин Юня. Отбросив прочь всякие второстепенные мысли, он почувствовал не только радость, но и что-то необъяснимое. Возможно, потому что близилась разлука.

— Моя фамилия — Инь. Цзин Юнь знает?

Цзин Юнь удивленно приподнял брови. Старшие братья на горе, как и сам Шанчжи, имели только имена, без фамилий. Таков был завет учителя. Кроме него самого, потому что он был исключением. Фамилии были тем последним островком чистоты, который они хранили. Все они были несчастными людьми, и никто не хотел добровольно вспоминать свое прошлое. То, что Шанчжи сам решил открыться, очень удивило Цзин Юня.

Судя по выражению лица, Цзин Юнь действительно не знал.

— Инь Шанчжи. Мое полное имя. Цзин Юнь запомнит, правда? — Он спросил осторожно, боясь услышать отрицательный ответ.

Цзин Юнь замер, а затем с облегчением улыбнулся. Семья должна быть честной друг с другом.

— Тогда и ты запомни. Моя фамилия не Цзин. Я ношу фамилию матери — Ло. — В этом мире из родных у него остался только он, Ло, и Шанчжи. Да, Инь Шанчжи.

Старший брат, я и правда считаю тебя родным, поэтому некоторые вещи... слишком грязные,

тебе к ним прикасаться нельзя.

— Ло Цзин Юнь...

— Угу. — Довольно кивнув, он накрыл прохладную руку Шанчжи своей. — Отныне ты — мой родной человек, навсегда.

Шанчжи счастливо посмотрел на него в ответ, улыбаясь с полным удовлетворением.

— Значит, у меня тоже есть семья?

Однако его лицо тут же снова помрачнело. Он коснулся правой щеки, готовый расплакаться.

— Моё лицо... оно изуродовано, правда? Достоин ли я теперь быть твоим родным? — В голосе слышалась паника и едва уловимая надежда.

Цзин Юнь всё понял, но не стал акцентировать на этом внимание.

— Семья не смотрит на внешность. Хочешь, я тоже полосну себя по лицу, чтобы составить тебе компанию? Раз у тебя шрам на правой щеке, я сделаю на левой, будем идеально подходить друг другу.

Шанчжи затряс головой, как неваляшка, боясь, что тот и правда это сделает. От резких движений раны на лице снова слегка кровоточили.

— Нет! У Цзин Юня такое красивое лицо, жалко его портить. Со мной всё в порядке, главное, чтобы Цзин Юнь не обращал внимания!

Цзин Юнь усмехнулся и с чувством притянул Шанчжи в объятия. Семья... значит ли это тепло? Он и правда чувствовал себя так тепло, так хорошо. Прошло лет десять, наверное, он уже отвык от этого ощущения.

Они были почти одного телосложения, и со спины их порой было не различить, разве что Цзин Юнь был чуть стройнее. Они тихо обнимались, и эта картина, которая должна была казаться странной, выглядела до того гармоничной, что согревала душу.

Ночь ширилась в холоде. Сердца людей согревались в тепле.

Здесь было тепло, но в другом месте царил холод.

— Ваше Величество, Его Высочество всё время проводит во Дворце Юньсяо, можете быть спокойны.

Цзин Яо смотрел вдаль, словно не слыша слов евнуха.

Атмосфера натянулась, и наконец он заговорил:

— А тот убийца?

Лицо Евнуха Яо дернулось, он не знал, что ответить. Разве он мог сказать, что Его Высочество несколько дней не смыкает глаз, ухаживая за этим убийцей?

Он никогда не видел, чтобы Юнь-эр заботился о ком-то так сильно. Неужели в его сердце кто-то поселился? Кто-то, кроме него.

Он сжал кулаки, мечтая уничтожить того человека, но боялся, что Цзин Юнь будет страдать, и они станут еще дальше друг от друга. Он даже отдал ему Нефритовую подвеску с обвивающим драконом! Неужели они дошли до того, что поклялись друг другу в вечной любви? Нет, он не позволит!

Эти подвески были парой. Одна — Дракон, другая — Феникс. Они передавались из поколения в поколение и хранились у Императора и Императрицы. После смерти отца-Императора подвеска с Фениксом досталась ему, а Дракон — ушел к матери Цзин Юня, а затем к самому Цзин Юню. Они были созданы друг для друга, как кто-то другой смеет вмешиваться! Даже если он изуродует его лицо, это не утолит его ненависти! Хотя больше всего его обуревала паника.

Он послал убийц под видом нападения на Цзин Юня лишь для того, чтобы заставить отца-Императора волноваться, чтобы тот передал ему военную власть ради защиты своего любимого седьмого сына. Трон наследует законный наследник, и даже если отец-Император не согласен, ему пришлось бы подчиниться воле Императрицы и чиновников. Без трона единственное, что могло защитить Цзин Юня, — это армия. Только с ней можно было не бояться угрозы со стороны императорской власти. Разве Император мог этого не понимать? Он предвидел, что Цзин Юнь не уступит, и был готов ко всему, ожидая его поражения. Кто же знал, что появится этот убийца, который стал так важен для Цзин Юня, и всё изменится. Теперь оставалось только действовать по обстоятельствам.

— Продолжай следить за ними.

Евнух Яо, у которого от страха остыло всё тело, наконец обрел свободу и, дрожа, ответил:

— Слушаюсь.

Ночное небо над Имперской столицей было холодным, как вода, и тяжелым, как лед. Под луной люди предавались самым разным мыслям...

<http://bllate.org/book/21156/2144396>